

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

Постановка повести-сказки В. Шукшина «Точка зрения» — своего рода декларация принципов Владислава Пазы — главного режиссера Русского драматического театра имени Крупской (Киргизская ССР). На взгляд Песнириста (В. Тильяринов) жизнь — беспроектная «чернуха», Оптимист же (В. Ершов) видит в ней сплошь розовую пастораль, а если перевести на язык творчества, то с одной стороны нас подстерегает пресловутая «бесконфликтность», с другой — успевший набить оскомину натурализм. С кем же ты, художник? Не иначе, с персонажами, которые хоть и не ищут автора, но твердо знают, от каких именно авторов им нужно бежать, с теми, кто хочет быть сам по себе, отвергая правила игры. Итак, не надо нам ни старой, ни новой конъюнктуры, давайте лишь пристальнее всматриваться в человека и различать в нем множество оттенков...

Так считает режиссер, поворачивая некий схематичный спор «точек зрения» в современное русло. Но жизнь, как ни крути, успевает и сюда внести свои коррективы. Играя пастораль, актеры более или менее изысканно пародируют искусство «соцреализма», играя «чернуху», они — смакуя краски коммунального быта, купаясь в характерности — выходят вместо пародии на нашу повседневность, которую при всем желании спародировать оказывается невозможным.

Однако театр не желает брать то, что лежит на поверхности, ему куда важнее определить хотя бы меру ответственности каждого из нас за эту вот «повседневность» или — лучше — заставить нас самих это сделать. В спектакле «Смотрите, кто пришел» (кстати, одной из лучших постановок пьесы В. Арро в стране) театр не спешит никого обвинять, сочувственно относясь и к амбициозным ущемленным интеллигентам старшего поколения (Л. Ясиновский, Т. Варнавских), и к порывам романтики Кинга (С. Матвеев), и к безнадежной усталости молодой четы Шабельниковых (В. Москалев, Г. Степанова). Все издерганы, нервы у всех на пределе, каждый жаждет сохранить свою честь, словно стремясь за верхушку тонущего айсберга. Правда чина любого из персонажей несомненна, но... подобная постановка вопроса могла бы нас устроить несколько лет назад, в дни появления пьесы. Сегодня все же жаждешь увидеть за наболевшими социальными и нравственными проблемами уродливый, проржавевший каркас системы — источника болезней.

В «Плахе» по Ч. Айтматову этот каркас материализован на сцене в форме куба — выразительной модели мироустройства, которую дополняют и механистичные Фигуры из управления, курирующие истребление сайгаков. В отличие от известных постановок «Плахи» режиссер попытался добросо-

вестно пересказать весь роман, включая, помимо основной линии, и трогательную историю пары волков (замечательная работа молодых актеров Т. Родкиной и Е. Солоникина), и подробный рассказ о чабане Бостоне, колоритно разыгранный киргизскими актерами, и вставную грузинскую легенду... Этот мир тревожен, загадочен, страшен. Кто посмеет бросить ему вызов?

«И среди тысячной толпы ты одинок, наедине с собой ты одинок», — звучат в спектакле стихи Восточного поэта. Для Авдия (А. Петухов) одиночество изначально неизбежно. Авдий чересчур рационалистичен, его попытки образумить мир смакивают на некий холодный эксперимент над миром и собой. Неким знаком, абстракцией прошествует через спектакль Иисус, и разве что у пары волков во взглядах, повадках, жестах мелькает утраченная людьми человечность. Люди и звери — motivi этот заставляет к многом задуматься, но где же «человек и бог», где божественное в человеке?

Пытаясь всмотреться в душу каждого, избегая открытого противопоставления светлых и темных сил, театр, быть может, не всегда улавливает некие расставленные самой жизнью акценты. Однако путь этот способен, видимо, минуя намеченные русла, вывести к открытиям пока не предугаданным — а они, хочется верить, дадут о себе знать.

М. МАКСИМОВ

Вет. Ленинград. - 1989. - 6 июня